

Губернский детективъ

ЛЕВ

БРУСИЛОВ

Черная карусель
братьев Человековых

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Иллюстрация *Nictorien*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Дизайн обложки *Радия Фахрутдинова*

Брусилов, Лев.

Б89 Черная карусель братьев Человековых / Лев
Брусилов. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-247657-0

В губернском городе Татайре совершено новое страшное преступление: убит полицеймейстер. Ему отрубили голову, но орудие преступления не нашли.

На поиск убийцы брошены лучшие силы города: судебный следователь Сверчков, жандармский штаб-офицер Зинковский и, конечно, возглавляемая бароном фон Шпинне сыскная полиция.

Судебный следователь считает, что это уголовное преступление, жандармерия уверена в том, что убийство политическое. Начальник сыскной полиции с выводами не торопится.

Кому из этой троицы удастся распутать непростое дело, и кто первым установит и схватит убийцу?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Брусилов Л., 2026

© Оформление.

ISBN 978-5-04-247657-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Жене и дочери, тем,
кто, несмотря ни на что,
верил в меня*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1. Всадник без головы	9
Глава 2. Совет у губернатора	19
Глава 3. Правовая коллизия	30
Глава 4. Дело о шелковом платке	39
Глава 5. Полковник Трауэршван.	48
Глава 6. Беседа шефа жандармов со штаб-офицером Зинковским	55
Глава 7. Следователь Сверчков.	65
Глава 8. Другая стратегия	74
Глава 9. Первый шаг в расследовании.	82
Глава 10. Смешная рубашка	91
Глава 11. Решительные действия полковника Трауэршвана	101
Глава 12. Сверчков идет по следу	110
Глава 13. Кот братьев Человековых	117
Глава 14. Кочкин докладывает начальнику о своей беседе с Барышовой	126
Глава 15. Допрос Якова	134
Глава 16. Следователь Сверчков в тупике	145
Глава 17. Осведомитель	153
Глава 18. Кучер полицмейстера Свища	165

Глава 19. Допрос Ростислава.	176
Глава 20. Кочкин рассказывает о разговоре с Тесемкиным	186
Глава 21. Голова полицмейстера	194
Глава 22. Что заставило злодеев подбросить голову?	201
Глава 23. Прачка Капитолина	209
Глава 24. Приготовления губернатора перед поездкой в сыскную	217
Глава 25. Просьба	226
Глава 26. Терзания следователя Сверчкова	235
Глава 27. Откровения прачки	243
Глава 28. Вот, значит, как оно бывает.	255
Глава 29. Визит шефа жандармов к губернатору . . .	264
Глава 30. Мертвая лошадь	277
Глава 31. Разговор начальника сыскной с осведомителем	288
Глава 32. Наблюдение за домом вдовы	297
Глава 33. Фон Шпинне у губернатора	306
Глава 34. Начальник сыскной продолжает удивлять губернатора	316
Глава 35. Подготовка.	325
Глава 36. Губернатор в ужасе	333
Глава 37. Протопопов высказывает похожее на приговор предположение	342
Глава 38. Похороны полицмейстера.	352
Глава 39. Допрос вдовы	360
Глава 40. Черная карусель	370

ГЛАВА 1

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

Если бы только татарский полицмейстер Свищ знал, чем лично для него обернется визит в полицию двух проворных братьев-близнецов Человековых, то не пустил бы их даже на порог управления, более того, гнал бы визитеров в три шеи до конца улицы Красной, на которой, собственно, это управление и находилось. Но поскольку губернский полицейский начальник не обладал даром ясновидения и даже рудиментами предчувствия, то встретил братьев как родных и почти сразу же полюбил их. Человековы тотчас же располагали к себе любого, кто их видел и слышал в первый раз. Одного брата звали Яков, а другого Ростислав, по отчеству они были Ивановичи. Совершенно неотличимые друг от друга, одинаково одетые, небольшого роста, полнотелые, но не той обременительной полнотой, которая иногда случается у людей, невоздержанных в пита-

нии, а полнотой веселой, можно даже сказать радостной. Они, как два скачущих по ступеням мячика, влетели в кабинет Зотика Ефимовича (так звали полицмейстера) и буквально заполнили радостью все его огромное казенное пространство, от двери до самого дальнего пыльного угла. Казалось, что даже поясной портрет государя императора, висящий за спиной полицмейстера, улыбается при виде этих источающих счастье людей.

Надо заметить, что в полицию нечасто приходили подобные типажи, чаще заглядывали плакальщики, чтобы жаловаться. И жаловались они почти всегда на своих соседей. Ведь как устроен наш человек: по его мнению, все люди замечательные, только соседи — сволочи. Ну еще разве что родственники жены, и не знаешь, кто из них похуже. Полицмейстер — мужчина огромного размера, с лысой, без единого волоска головой и большими пегими усами, находящийся в должности вот уже четверть века, до тонкостей знал, как обращаться с этими людьми, что им говорить, что обещать, как быстро от них избавляться, а вот встречать подобных Человековым удалцов ему пришлось впервые. Он был ошеломлен в хорошем смысле этого слова: не понимал, что говорить, как себя вести, только улыбался да мотал головой. Усадил визитеров на кожаные кресла, сам уселся на диван, предложил чаю, но те отказались, мол,

дело надобно делать, а чай — это уже потом, а может быть, и не чай, а что-нибудь поувесистей. Деловой подход в особенности понравился полицмейстеру, сразу быка за рога. Он тоже всю свою сознательную жизнь пытался вот так и жить, без предисловий и отступлений, пустых слов и мутных фраз, но, скажем правду, у него не всегда это получалось.

Оказалось, что братья не просто веселые люди, а предприниматели с большими возможностями. Занимались они тем, что ездили по стране и везде, где только им позволяли, строили карусели, затем передавали управление увеселением городским властям, а за собой оставляли двадцать процентов с выручки. И поскольку за их плечами было уже больше сотни каруселей, то доход у Человековых был значительный, можно даже сказать фабрикантский. И вот так сложилось, что в Татаяре не было карусели, почему никто раньше не догадался ее построить — неизвестно.

Братья какое-то время смачно и восторженно рассказывали Свищу, что такое карусель. С их слов получалось, что это не просто какая-то там забава, а самая настоящая загадка и даже, если подумать, волшебство!

— А в чем волшебство? — спрашивал, перебегая глазами с одного одинакового лица на другое, полицмейстер. Он не знал, на каком остановиться, братья говорили в унисон. Думал, что если смотреть на одно, то обидится другое.

Волшебство, со слов Человековых, заключалось вот в чем (полицмейстер никогда об этом не задумывался): на карусели можно проехать сто верст, можно двести, да что там двести... Можно и тысячу! И все по-настоящему, ты не просто едешь, ты мчишься: свист в ушах, ветер развеивает волосы, мелькают виды, а ты на самом деле никуда и не сдвинулся. Эти слова так впечатлили и взволновали Зотика Ефимовича, что он вскочил с дивана и, стуча подковками, зашагал по кабинету. «Это же уму непостижимо, тысяча верст позади, а ты стоишь на месте. Что это, как не волшебство?» — думал он. Правда, Свищ никак не мог найти практического применения этому новому знанию. Похоже это все, конечно же, на волшебство, но волшебство какое-то жульническое, ненастоящее. Однако он гнал от себя подобные мысли. «В чем тут жульничество?» — спрашивал сам себя и не мог ответить, потому как все было в рамках здравого смысла и закона. Ехать долго и в результате никуда не приехать никакими указами и эдиктами не возбранялось.

Перед человеком современным, конечно же, встанет вопрос: а зачем братья пришли к полицмейстеру? И главное, зачем ему это все рассказали? Какая связь может быть между полицией и каруселью? На наш взгляд, никакой, а вот в ту пору, когда, собственно, и происходит действие нашего рассказа, общая полиция отвечала

буквально за все. И понятие «следить за порядком» трактовалось широчайшим образом — от исправности пожарной каланчи до надлежащего содержания отхожих и мусорных мест. И за всем этим следила полиция. Да, да, в этом нет никакой шутки и тем более обмана. И чтобы в городе построить карусель, нужно было наперед всего прийти к главному стражу порядка и испросить у него разрешения на устройство такого увеселения.

Полицмейстер дал добро. Правда, возникла некая закавыка. Место, которое братья запросили под карусель, по слухам, которые ранее уже доходили до Зотика Ефимовича, присмотрел для каких-то своих нужд сам губернатор. Впоследствии слухи оказались всего лишь слухами, но полицмейстер ведь этого тогда не знал, поэтому уговорил братьев на другой участок в черте городского парка, под старыми раскидистыми липами. Человековы с радостью согласились.

Сами же братья столкнулись в полиции Татаяра с одной насторожившей их странностью. До того все начальники, с которыми им пришлось встречаться в других городах, пристально всматривались не в веселые лица, а не отводили глаз от их карманов. И, так или иначе, прозрачно намекали на некую смазку, без которой, увы, ни одна капризная городская машина не сдвинется с места. Ведь как оно в жизни? На обычной

телеге если и есть тормоз, то он один, а вот городская машина сконструирована таким хитрым способом, что у нее тормоза везде: и спереди, и сзади, и с боков. Снизу? Есть! А сверху? Тоже есть. Даже там, где тормоза не должно быть по определению, он имеется. Зачем? Для равновесия. И все эти тормоза требуют к себе внимания. Зная эту особенность административной машины, братья к Свищу явились уже с подношением, разделенным на две половины: одна находилась в кармане Якова, а другая — Ростислава. Братья хитрили, вначале свою половину доставал Яков, часто случалось, этого хватало, а вот если начальник замирал в ожидании, точно козодой на заборе, или более того — кривился, то тут наступал черед Ростислава выложить на стол свою часть.

Татаярский же полицмейстер повел себя иначе, мало того что не запросил смазки, так и сам предложил братьям финансовую помощь, объясняя это тем, что уж больно хочется ему, чтобы в Татаяре была карусель. Челоуековы, конечно, удивились такому повороту, между ними опосля даже разговор был, где один другому высказывал сомнения. «А может быть, ну его, этот Татаяр? Что, мало в империи городов больших и малых? Где все понятно, где люди при власти ведут себя соответственно, так сказать, соответственно своему месту. А тут и мзду не берут, и своих денег добавляют. На западню похоже». Думали

братья, думали, а потом, как водится у нашего человека, махнули рукой: бог не выдаст, свинья не съест. Правда, во избежание, кабы чего не вышло, денег у полицмейстера сговорились не брать. Зотик Ефимович настаивал, говорил, что так карусель быстрее построятся, но братья сказали решительное «нет», убедив полицмейстера, что и без его финансовой помощи сделают все быстро.

Потом они пожалели о своем решении остаться и построить карусель. Даже упрекали друг друга, один настаивал, что он, дескать, говорил — нужно уезжать, а второй возражал, мол, это не ты говорил, а я. Так и спорили, пока не помирились.

Были составлены и получены все нужные бумаги. За это время последний снег сошел, установились приятные, пахнущие весной солнечные дни, земля подсохла, и в конце апреля 1900 года начались работы по возведению увеселения.

У братьев, как выяснилось, были большие планы. Карусель они сооружали капитальную, на каменном фундаменте, так еще в дальнейшем рассчитывали возвести над ней шатер, чтобы увеселением можно было пользоваться не только в теплое время года, но и зимой. Полицмейстеру это чрезвычайно нравилось. Он сгорал от нетерпения, бывал на стройке чуть ли не каждый день. Во все вникал, за все брал-

ся, сам спускался в котлован, чтобы осмотреть электрическую машину, которая будет двигать карусель, удивлялся ее размерам: «Не маловата ли?» Проверял на прочность карусельных лошадей, похлопывал по их лаковым спинам своими огромными руками: «А выдержат ли? Не сломаются?» «Нет, не сломаются», — заверяли его братья. «Изготовлены лошадки из даурской лиственницы, а это, — утверждали Челоуековы, — такое удивительное дерево, которому все нипочем, ежели вся Венеция на сваях из этой лиственницы стоит, тот уж тут и подавно все будет хорошо». Ну если Венеция, то ладно.

И вот настал день пуска карусели. Первое августа, среда, в городском саду по этому случаю играл духовой оркестр, да и погода, надо сказать, не подвела: с самого утра светило солнце, радостно пели птицы, видать, и до них дошел слух о карусели, и они слетелись воочию поглядеть на чудо чудное и диво дивное. К одиннадцати часам стала собираться празднично одетая публика. Строгие чиновники городской управы стояли отдельной группкой, заложив руки за спинами, все как один в партикулярных платьях, все как один с торжественными лицами. Сама карусель сверкала лаком, ветер трепал разноцветные флажки, лошади — деревянные, всяких мастей — ожидали седоков. Братья Челоуековы давали последние распо-

ряжения, следуя их указующим перстам, туда-сюда сновали рабочие, что-то поправляли, что-то уносили, что-то, напротив, приносили, работали метлами, стучали молотками. Один из братьев, Яков, с тревогой осматривал собравшихся и не находил среди них главного — полицмейстера. Именно ему выпала честь разрезать алую ленточку. На серебряном подносе лежали портновские ножницы.

— Может быть, задерживается? — шепотом проговорил Ростислав.

— Может быть, и задерживается, — соглашался с ним Яков.

Бежали минуты, публика стала волноваться, оглядываться, кто-то крикнул из задов:

— А чего стоим, чего не начинаем?

Тогда братья решили сделать пробный пуск без седоков и без перерезания ленточки. Пусть карусель сделает несколько оборотов, а за это время, кто знает, может, и полицмейстер явится. Да и публика успокоится, будет на что смотреть.

Была дана команда работнику, сидящему в небольшой дощатой будке. Работник взялся за эбонитовую ручку рубильника и опустил ее. Заискрились медные контакты, и карусель, к восторгу публики, мягко и совершенно бесшумно тронулась. Однако восторг собравшихся был недолгим.

Карусель сделала пол-оборота, развернулась другим боком, и все увидели, что там находит-